

Отзыв официального оппонента
на докторскую диссертацию Алексеева Павла Викторовича «Восток
и восточный текст русской литературы первой половины XIX века:
концептосфера русского ориентализма», представленную в
диссертационный совет Д.212.267.05 на базе федерального
государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Национальный исследовательский Томский
государственный университет»
Специальность 10.01.01 – русская литература.

Вызванное современными событиями особое внимание к ориенталистике в разных областях гуманитарных наук как никогда раньше обращает к накопленному опыту связей России и Востока, получивших развитие в прошлые эпохи. Одной из форм постижения восточной культуры и восточного менталитета были литературные связи.

В отечественной науке традиция их изучения заложены в трудах по компаративистике А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, а также в исследованиях востоковедов (В. В. Бартольд, Н. И. Конрад, И. С. Брагинский и др.) и развиты в работах нескольких поколений продолжателей этих научных школ. Но обширность и многообразие межкультурного диалога России и Востока, особенности его содержания, этапы развития и до настоящего времени оставляют большое поле для новых исследований на основе современных ориенталистских идей и концепций, а также достижений востоковедения, сравнительного литературоведения, истории религий, культурологии и новых теорий и методик изучения текста.

В русле отмеченных перспектив *актуальность* проведенного Павлом Викторовичем Алексеевым диссертационного исследования обусловлена впервые предпринятым комплексным осмыслением одного из самых значимых периодов развития ориентализма в русской литературе, приходящегося на первую половину XIX века. *Новизна* подхода состоит в том, что восточные темы и мотивы в русской словесности автор диссертации рассматривает в контексте новых геополитических доктрин России и Европы, связанных с имперскими экспансиями на Восток и на Балканы, и с учетом комплекса идей, проектов, трудов отечественной и европейской ориенталистики XIX-XX вв. На этой основе образ «русского Востока» в его главных составляющих последовательно соотнесен с западными ориенталиями в дискурсе цивилизационных идей эпохи колониализма и постколониализма и их отражения в европейской культуре, создавшей свой образ восточного мира и человека. Развивая этот подход, автор диссертации впервые, насколько мы

можем судить об этом, делает доказательные и значимые выводы о своеобразии русского «восточного текста», о роли ориентального межкультурного диалога в «самоориентализации» (дисс. с.59) русской культуры, о «восточном вопросе» роли России в имагинативном пространстве Европы, о самоидентификации России через диалог с Другим, в лице которого выступают Восток и Запад.

В связи с этим цель работы состоит в исследовании концептосферы русского ориентализма, представленной в художественных текстах русской словесности как «особой мифологической системы, сформированной в эпоху русского имперского дискурса первой половины XIX века» (дисс., с. 13).

Задачи диссертационной работы реализуются в процессе системного изучения обширного материала, который включает обзор современных научных трудов, полемических статей, посвященных «восточному вопросу», а также русские журнальные материалы, философско-исторические трактаты XIX-XX вв, значительный корпус восточных религиозных и литературных текстов, их европейских переводов и переложений и произведения русской словесности в форме переводов, подражаний, реконструкций, а также травелоги, эссе, эпистолярный, наиболее репрезентативно отражающие идеи, культурные концепты, имена творцов, символы, мотивы и образы, которые формировали ориентальный свертхтекст в период романтизма.

Привлекая подходы к столь разному материалу, применяемые в имагологии, культурологии, исторических науках, которые используются наряду с традиционной литературоведческой методологией и методиками анализа структуры и типологии художественного текста, автору диссертации удалось избежать методологической эклектики.

Эстетическая составляющая в рассмотрении восточного текста в русской литературе остается главной в оценке концептосферы русского ориентализма, органично соединяясь с культурно-историческими, философско-теологическими и метальными характеристиками, благодаря чему выявляются глубинные смысловые пласты, запечатленные в воспринятых художественных формах.

Структура диссертации четко соотносена с поставленными целями и отражает многостороннее обоснование специфики русского ориентализма: в первой главе концептуально представлены теоретический и методологический аспекты сравнительной характеристики русского восточного текста, а также его политические, религиозно-философские и другие дефиниции, во второй главе обосновывается системная типология художественных форм и поэтика русского ориентализма, отрефлектированная в творчестве ведущих авторов, третий раздел посвящен травелогам, которые формируют художественное пространство и имагинативную географию русского ориентализма.

Возвращаясь к оценке первой главы, являющейся методологическим фундаментом всего исследования, необходимо отметить почти исчерпывающую полноту освещения современных дискуссий европейских культурологов и ориенталистов вокруг известной книги Э. Саида о западном восприятии Востока, о возможности проецировать ее содержание на русский ориентализм. Включаясь в решение этих научных проблем, П. В. Алексеев глубоко обосновывает особенности «восточного вопроса» в русских текстах и высказываниях ведущих поэтов эпохи – А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, помещая их в контекст русского колониализма, что позволяет увидеть значительные отличия от западных стереотипов.

Уточняя давно сложившуюся установку видеть западно-европейские истоки в ориентальных темах и мотивах русской литературы, исследователь обращается к непосредственным контактам с Востоком. Для этого в истории освоения коранического текста рассматривается прямая рецепция поэтики суфизма в переводах и подражаниях. В сравнениях с оригиналами комментируется присутствие строя мистической мысли этого мусульманского философского течения в лирике Д. П. Ознобишина, А. А. Фета в форме опорных ориентальных кодов, освоенных русской лирикой. Значимым и ценным является вывод о несовпадении и протестном содержании «восточных» произведений русских романтиков по отношению к колониальной доктрине. Протестное содержание в трактовке колониальной темы в русской литературе традиционно связывается с творчеством Л. Н. Толстого. Исследование П. В. Алексеева аргументированно углубляет представление о его развитии, которое началось вместе с освоением западного, в первую очередь, байроновского ориентализма. Размышляя над этим, невольно вспоминается, что П. В. Вяземский в рецензии на первую восточную поэму А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1821) осудил поэта за то, что он «окровавил» ее финал, воспев Котляревского, известного современникам своей жестокостью в кавказской войне.

Особую ценность составляет расширение корпуса «восточных» текстов романтиков. В этом отношении существенно дополнена пушкинская восточная тема. В свете колониального дискурса подробно рассмотрены повесть «Кирджали», «Песни западных славян», до настоящего времени очень мало упоминаемые в связи с ориентальной концепцией поэта. Заслуживает внимания попытка рассмотреть «исламский восток» в имажинативной географии Гоголя на примере статьи «Ал-Мамун», хотя речь идет, в значительной степени, о постановке проблемы ориентализма Гоголя, которая только заявлена и требует дальнейшего изучения и в плане источников и в плане поэтики.

Во второй главе диссертации развернуто рассматриваются центральные произведения русского ориентального текста. Коран вполне правомерно выдвинут здесь как «ядерный концепт русского ориентализма» (дисс., 183). Привлекая историю восприятия и раскрывая нарративный потенциал священной книги мусульман для изучения «Подражаний Корану», П. В. Алексеев значительно углубляет оценки смыслового содержания и поэтики пушкинского цикла, раскрывая традицию освоения Корана в библейской перспективе как древнего ориентального памятника с его философско-мировоззренческим содержанием, но без церковной догматики и подробно на целом ряде концептов (пещера, одиночество, вдохновение поэта и др.) демонстрируя текстопорождающую роль коранических образов для художественного выражения эмоционального мира самого поэта.

Посвящая два раздела главы образу «поэта-пророка», П. В. Алексеев подробно исследует множество европейских и русских источников XVIII-XIX вв, в которых представлены разные формы рецепции Корана. На этой основе, насколько нам известно, впервые в пушкинистике представлен столь детальный культурологический контекст, в котором возникал данный концепт в русском ориентализме.

В разделе главы, посвященном стихотворению «Пророк», автор диссертации включается в многолетнюю полемику пушкинистов об истоках образа пророка, лирическом хронотопе, символике основного события, делая вывод об архетипической основе художественного строя стихотворения, находящей соответствия в трех ведущих мировых религиозных системах. Представленные связи основного образа, мифопоэтики «Пророка» с коранической традицией в поэтическом цикле вполне убедительно раскрыты в подробном разборе. Это дает основание диссертанту предложить оригинальную реконструкцию цикла, а также раскрыть, насколько глубоко воспринимал Пушкин значимость пророка в мусульманской культуре, как он связывал текст Корана и его создателя Мухаммеда. Но кораническое содержание некоторых образов вызывает сомнения. Например, символика «дольней лозы», евангельская семантика которой сильно сужена, это же относится к образу «трепетного сердца» (См. Симфония на Ветхий и Новый Завет. - Л., 1928, с. 545, 1056), также вызывает сомнение толкование сновидческого состояния пророка. Хотя это не отменяет убедительно представленных связей произведений с текстами Корана.

В разделе второй главы, посвященном ориентализации Кавказа в творчестве позднего М. Ю. Лермонтова, внимание акцентировано на «протестном характере его восточного текста» (дисс., с.238) и обосновано это

особой судьбой поэта, его философско-историческими идеями и политическими событиями современной ему действительности. По сравнению с Пушкиным, как отмечается в работе, Лермонтов формирует свой ориентальный миф, который лежит в основе концептосферы в «внутреннего Востока России – Кавказа» (дисс., с. 239). В лермонтовских восточных текстах исследователь очень точно отмечает особую противоречивость восприятия, сочетающего «иронию» и «трагедию», проявившуюся в поэтике произведений о Кавказе.

Новизна оценок в присутствует в рассмотрении стихотворения «Валерик» как одного из «ядерных» (дисс., 251) в формировании концепта судьбы в его восточном наполнении в лирике и в прозе автора, в расширении возможных источников Демона в область коранических сказаний и суфийской поэзии. Но проявление западно-восточного синтеза в этих лермонтовских текстах мало соотнесено с другими его кавказскими произведениями, что несколько обедняет оценки, раскрывая проявления синтеза как единичные. Это же касается и «преодоления поэтики марлинизма» (дисс., 243). На наш взгляд, тема обрусения мусульманина, и более широко - вхождения горца в мир другой культуры представлена у Лермонтова более значительно, наполняясь философско-историческим, социальным содержанием, героикой, трагизмом.

Колониальный дискурс, идущий от западных стереотипов восприятия Востока, сменяется у Лермонтова вниманием к укладу жизни, фольклору и мифам народов Кавказа, в связи с чем намеченный в работе П. В. Алексеева подход может быть плодотворно развит в рассмотрении поэтической географии восточного текста Лермонтова, в которой выделяются отдельные локусы, центр, границы с их особыми концептами и мотивами, например, Грузия, Северный Кавказ, Терская Линия.

Особый научный интерес во второй главе подставляет рассмотрение коранического нарратива в турецкой сказке М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб». Автор работы представляет собственную глубоко аргументированную трактовку основного сюжетного мотива, связывая его с темой божественного предопределения, восходящей к суфийской поэзии. Благодаря основательному соотнесению с коранической культурой в исследовании по-новому определяется статус героя и смысл его чудесного пути как духовного странствия, раскрывается семантика имени главного героя и его покровителя.

Завершая исследование восточного текста русской литературы, автор диссертации вполне обоснованно обращается к вопросу о позиционировании русского человека в пространстве внешнего и внутреннего Востока. В этой также четко главе сохранен заявленный дискурс рассмотрения ориентального

текста словесности в контексте развития колониального движения на Восток и процесса самоидентификации в отношении к Западу и Востоку.

Формируя теоретическую основу изучения ориентальных травелогов, П. В. Алексеев приводит в первом разделе большой обзор разновидностей этой формы в русской литературе, устанавливая особый дискурс русского ориентального травелога, в «памяти жанра» сохранившего «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина как своеобразную модель стратегии повествования. При рассмотрении множества образцов восточных путешествий отмечен характерный интерес к этнографии, владение определенными востоковедческими знаниями и своя география, реальная и вымышленная. Для отдельного рассмотрения выбраны реальные, литературно-научные и фантастические путешествия по Востоку, в которых отмечены оригинальные черты художественной формы. В этом ряду впервые рассмотрена стратегия повествования в вымышленном ориентальном путешествии А. Ф. Вельтмана. Достаточно изученный в предшествующей научной традиции пушкинский восточный травелог оригинально представлен в аспекте концептуальных принципов ориентализации пространства, в характеристике субъекта повествования и его двойной, западной и восточной, позиции «с книгой и нагайкой».

Особой новизной привлекаемого материала и его убедительной интерпретацией отличается раздел, посвященный травелогам и «восточным повестям» О. И. Сенковского. Автор диссертации устанавливает парадоксальную связь, демифологизирующую и ремифологизирующую, между научным ориентализмом знаменитого востоковеда и образами Востока в его повестях и романе. В рассмотрении образа Сирии в двух разных по своему содержанию и направленности текстах Сенковского раскрыта остроумная литературная игра повествующего автора, ирония лингвиста, мифопоэтическое выстраивание образа Сирии как Восточной Пальмиры, в единстве которых формируется образ европейца, оценивающего Восток.

Завершающее работу Заключение содержит четкие научно значимые выводы на основе проведенного изучения концептосферы русского ориентализма в контексте диалога Запада, России и Востока, соотнесенного с колониальным политическим дискурсом русской и европейской истории XIX века. Русский ориентализм определяется как система художественного мышления, а «восточный текст» в русской литературе предстает как его «знаковая сверткестовая манифестация» (дисс., с. 369).

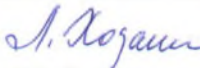
Подытоживая оценки, отмечаем, что высказанные замечания носят частный характер и не снижают высокой научной ценности представленной диссертационной работы, развивающей *новое перспективное направление в*

изучении русской литературы, которое обогащает раскрытие ее эстетического потенциала в изучении межнациональных связей, выявляет в новом дискурсе значимость литературы как формы самосознания и самоидентификации. Диссертационное исследование основано на значительной источниковедческой базе, включающей около 600 источников, включая литературу на трех европейских языках, цитации на арабском языке. Автореферат, монографии и научные публикации отражают основные положения работы, которые апробированы на многих научных конференциях разного уровня.

На этом основании считаем, что докторская диссертация **«Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма»**, является самостоятельным законченным концептуальным научным исследованием, в полноте обладающим признаками **актуальности и новизны**, его результаты имеют безусловную научную ценность, намечая перспективу развития дальнейших исследований в данной области и могут быть плодотворно использованы в практике преподавания. Диссертация полностью отвечает требованиям п. 9,10 «Положения о присуждении ученой степени», утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842.

В связи со сказанным выше, считаю, что автор диссертации Павел Викторович Алексеев, автор диссертации, заслуживает присвоения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент,
доктор филологических наук, специальность – 10.01.01 – Русская литература,
профессор кафедры истории и теории литературы и фольклора
ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

 Ходанен Людмила Алексеевна
27 февраля 2016 г.

Контактные данные : Ходанен Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессоркафедры истории и теории литературы и фольклора

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» Адрес Кемерово, 650043, ул. Красная , 6. ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Телефон 8-384-2-582745, Fax 8 (384-2) 58-38-85, эл. адрес hodanen@yandex.ru

Подпись Ходанен Л.А. заверяю:

Документовед

